

Ему около двадцати пяти лет, он любит носить футболки и джинсы и часто сидит на подоконнике, поджав одну ногу. Он курит самые дешевые сигареты низкого качества, обычно носит серые носки, и как будто немного близорук, но не носит очков.

Более того, у него четко очерченные пальцы, аккуратно подстриженные и гладкие ногти, заметный кадык, красный кончик языка, когда он приоткрывает рот после того, как его ошпарили, крепкие икры, загар и кажущаяся отчужденной и вежливой улыбка, когда он отворачивает лицо.

Для меня все это олицетворяет красоту, которая может заставить трепетать.

Я часто сижу на каменной скамье у входа в наш комплекс, ожидая, пока он занесет вещи домой. Даже выцветшее пятно краски на его фигуре может заставить меня долго смотреть на него. Не говоря уже о нем самом. Я хочу обладать им полностью, ощутить стойкий аромат его пальцев, услышать, как он произносит мое имя, эти три слова - мое полное имя. Я надеюсь, что однажды он появится на моих фотографиях, не будет сводить глаз с объектива камеры, молча позволяя мне запечатлеть его. Он занимает все мои фантазии, все до единой.

Подзорная труба, кажется, приближает меня к нему, и его лицо оказывается в пределах досягаемости, но его слова никогда не доходят до моих ушей. Спасибо занавескам, которые он никогда не раздвигает в своей спальне, а также балкону и телевизору в гостиной, которые задерживают его там на некоторое время.

В противном случае, от этого острого чувства я мог бы превратиться в черное членистоногое, и мой взгляд свободно проникал бы сквозь все запреты. Это позволило бы мне покорять, грабить, вонзать в его тело иглу с хвостом или вручать ему нож, чтобы он властвовал в моей жизни.

Я еще не хочу умирать, я все еще хочу увидеть изгиб его губ и глубину его темных глаз. Я пристрастился к этой игре, в которой участвую только я.

Как только у него появится девушка, я остановлюсь. Клянусь, с моими извращенными мыслями и черным сердцем, если он уже кому-то принадлежит, я сдамся.

Я не ожидал, что из-за меня он заявит в полицию. Он почувствовал, что кто-то следит за его жизнью.

В тот день, после работы, я, как обычно, воспользовался своей карточкой, чтобы попасть в жилой комплекс. Охранники собрались в караульном помещении и громко разговаривали на смеси диалектов и вульгарных выражений, как будто ссорились. Я поздоровался с ними, и капитан Лю протянул мне сигарету:

- Вы слышали об этом? Недавно житель здания А сообщил, что за ним подглядывали и преследовали его.

Я сразу же связал этот инцидент с собой, я был обеспокоен и не в состоянии реагировать сдержанно. Когда я вернулся домой, то понял, что сигарета, которую дал мне Лю, я скрутил до неузнаваемости. Я поднял подзорную трубу и увидел, что он плачет от боли. Через некоторое время он внезапно встал, бросился к окну и плотно задернул коричневую занавеску.

Прикрыв глаза, я яростно швырнул подзорную трубу на землю. Я довел его до нервного срыва, и все это во имя любви. Кто мог бы прийти и выстрелить в меня из пистолета, раздробив мой звериный мозг?

Мне жаль.

Я выбросил сломанную подзорную трубу, собрал свои вещи и приготовился к переезду, чем избавил бы его от этой незаслуженной обиды. Но перед отъездом я хотел увидеть его в последний раз.

Он открыл дверь, взглянул на мой чемодан и жестом пригласил меня войти. В его гостиной царил хаос, на полу валялись два раскрытых чемодана, наполненных до краев. Казалось, он тоже готовился к переезду. Не считая беспорядка, общая атмосфера комнаты был слишком мрачным.

Мои ладони вспотели, и я не мог вымолвить ни слова. Опустив голову, я заметил на стекле кофейного столика многочисленные глубокие следы, которые всюду кричали: "Я скучаю по тебе, я все время смотрю на тебя".

- Вы тоже слышали об этом, - его глаза были полны боли и пустоты. - Это, должно быть, теперь знают все. Кто-то несколько дней вламывался в мой дом, оставляя эти странные надписи. Вторженец не взял ничего ценного, но украл кое-что из моих вещей.... очень личных вещей.

Я ничего у него не крал, это не я.

Но если это не я, то кто бы это мог быть? Кто мог тихо вторгнуться в его дом и беззастенчиво изливать здесь эти почти непристойные мысли? И что у него украли, нижнее белье?

Этот человек, должно быть, тоже хочет, чтобы его запах все время ощущался в носу.

Но такого рода слова любви, которые ничем не отличаются от принуждения, не должны звучать здесь. Для таких людей, как мы, жизнь похожа на жизнь человека за объективом камеры и под маской. Кто позволил ему отодвинуть занавес между зрителями и актером, выйти на сцену и начать стрелять в главного героя из настоящего пистолета?

Я сжал кулаки, затем повернулся, чтобы снова посмотреть на него, тихо произнося его имя в своем сердце: Чжан Шусянь.

Мое же имя... мое имя не имеет значения. Для окружающих, у меня приличная работа, я кажусь дружелюбным и знаю большинство жителей этого комплекса. Что ж, он впустил меня без всякой настороженности, как он мог меня не запомнить? Нашим "случайным" встречам несть числа, и я тщательно, слово в слово, записываю наши разговоры, их записи висят у меня на прикроватной тумбочке. От первой фразы до последней, мы общаемся уже полгода.

- Вы переезжаете? - спросил он.

- А разве вы тоже не собираетесь?

- Я называю это побегом, - вздохнул он. - Этот дом сдается, и домовладелец меня обдерет. Я всего лишь декоратор, в отличие от вас, работаю в компании...

Я спросил:

- Вы нашли новое жилье?

Он покачал головой. Даже беспомощным он был так привлекателен.

- Я оплачу вашу компенсацию. Если вы согласны, можете жить в одной квартире со мной. Я снял квартиру с двумя спальнями, далеко отсюда.

Я придвинулся к нему поближе, уловив влажный запах его мокрых волос. Солнечный свет смешался с частичками пыли, немного размыв черты его лица. Я был в некотором опьянении, мне даже захотелось протянуть руку и дотронуться до его лица.

Но я сдержался, благодаря бесчисленным тренировкам, не допустив ошибки.

- Не нужно, спасибо, - улыбнулся он, качая головой и все еще с немного усталым видом. - Вы пришли сюда специально, чтобы попрощаться со мной?

Кажется, я все еще переоценивал нашу близость; он был настороже.

Я тяжело вздохнул, мой взгляд надолго задержался на его губах. Я хотел что-то сделать для него, то ли от злости, то ли в качестве компенсации. Я хотел помочь ему найти этого человека. Что касается его подозрительности по отношению ко мне, боюсь, что мое выражение готовности рискнуть всем, вероятно, полностью меня выдало. Как мог такой человек, как я, который общался со всеми, но держался на расстоянии, прийти один, чтобы попрощаться с ним?

Я мог лишь облечь нежные слова в сжатую форму, отбросив беспокойство.

- Услышав эти сплетни, я теперь немного обеспокоен вашей ситуацией.

- Если я найду его, я размозжу ему голову и засыплю ее грязью.

Он прищурился, и на его лице появилась странная улыбка, как будто он все понимал и не собирался так просто отпустить этого извращенца. Хорошо, это и я бы хотел сделать.

В дверях появился пухлый парень с телефоном в руках, тяжело дыша. Его голос не соответствовал его комплекции. Он был громким и тонким.

- Думаешь сбежать? Позволь мне сказать тебе, что если ты попытаешься уйти, не сделав ремонт, то окажешься в полицейском участке.

Чжан Шусянь пнул чемодан и застыл на месте.

Я сказал ему:

- Я разберусь.

- Я попрошу друга из ремонтной команды помочь мне. Не беспокойтесь.

Он покачал головой, призывая меня поскорее уходить, иначе я опоздаю.

- Большая часть моих вещей все еще в доме. Я буду заходить время от времени, пока не заберу все. Если вам понадобится какая-либо помощь, просто позвоните мне.

Я неохотно вышел. Перед уходом я заметил следы цемента на его стене, на которых были видны три буквы: ШЦЮ.

ШЦЮ — Шэнь Цзюньян. Причина, по которой я смог без труда разобрать эти буквы, заключалась в том, что это было мое имя.

<http://bllate.org/book/12963/1138732>